

М. Я. Сюзюмов, относя возникновение Византийской империи к 324 г. (т. е. к моменту основания новой столицы), полагал, тем не менее, что на первом этапе государство оставалось рабовладельческим и только революция, имевшая место в VII в. (подчеркивается, что она не была революцией рабов и колонов), покончила с господством рабовладельческих отношений. Напротив, Е. Э. Липшиц, исходя из своего представления о развитии феодальных порядков уже в ранней Византии, признает и государство этого времени феодальным. По ее словам, «сущность этого государства оставалась неизменной на протяжении всей последующей истории Византии».

Решение этого вопроса во многом, разумеется, зависит от выяснения первой проблемы — от того, будем ли мы считать пекулий и колонат феодальными институтами или нет. Вместе с тем для правильного ответа на спорный вопрос многое может дать анализ законодательства и церковных постановлений того времени. Как можно понять постановления Константина, укреплявшего власть господина над рабом, решения Гангрского собора, осуждавшие отпуск рабов на волю, законы Юстиниана, приравнявшего адскрипция к рабу, если отрицать, что государство IV—VI вв. отстаивало и укрепляло рабовладельческие формы эксплуатации? Е. Э. Липшиц, правда, выдвигает против этих соображений тот довод, что нормы рабовладельческого права сохранялись в Византии вплоть до самого конца ее существования, однако такая постановка вопроса приводит нас к новой полемике: можно ли пользоваться памятниками византийского права IV—XIV вв. как историческими источниками¹⁹.

С решением вопроса о характере общественных отношений и государства IV—VI вв. тесно связано определение исторического места VII столетия в судьбах Византии. М. Я. Сюзюмов и Д. Ангелов признают его определенной гранью в истории империи. Е. Э. Липшиц оспаривает этот тезис, стремясь доказать несостоятельность тех трех соображений, которые, по ее мнению, обычно приводятся в его пользу: 1) к VII в. относят начало славянской колонизации; 2) к этому времени Византия теряет восточные провинции; 3) тогда же возникает фемный строй.

Разумеется, убедительное решение этого вопроса предполагает серьезное монографическое изучение истории VII столетия, что чрезвычайно затруднительно в силу скудости источников. Однако и сейчас уже можно указать на известные неточности, допускаемые Е. Э. Липшиц. Она рассматривает далеко не все, и притом не самые существенные аргументы, доказывающие наличие глубокого переворота в социально-экономическом строе Византии в VII в., к тому же излагает их недостаточно полно. В действительности важнейшие доводы в пользу представления об имевшем место в VII в. перевороте, состоят в следующем: от VII до IX в. мы почти не встречаем в источниках известий о крупной земельной собственности — и наоборот, много историков говорят о свободных общинах; значительная часть старых городов переживает серьезный экономический упадок. С этим связано также завершение славянских вторжений, массовое расселение армян в восточных областях империи, перестройка государственного аппарата (распад старой финансовой системы, разделение страны на несколько больших фем, правители которых фактически становятся хозяевами страны, попытки патримониального раздела империи и переноса столицы из Константинополя и т. д.). Между экзархатами VI в. и фемами VII в., вопреки мнению Е. Э. Липшиц, существует принципиальное различие, заключающееся в том, что экзархаты являлись очень немногочисленными областями в отдаленных провинциях, тогда как на фемы в VII в. была по-

¹⁹ См. дискуссию в ВВ, XIV, 1958, стр. 56—80.